

РАЕВСКИЙ Владимир Федосеевич

28 марта (8 апреля) 1795 г.,

с. Хворостянка-

8(20)июля 1872г., д. Малышевка, похоронен в соседнем селе Олонки

ЗОЛОТАЯ ШПАГА РАЕВСКОГО

Он родился под Старым Осколом в слободе Хворостинка в семье отставного майора, надворного советника, дворянина Федосия Михайловича Раевского и его жены Александры Андреевны, до замужества княжны Фениной. Согласно святцам, в которые заглянул местный священник, новорожденного следовало наречь Илларионом, но Федосий Михайлович настойчиво просил дать его третьему сыну имя в честь святого Владимира, и батюшка не смог отказать влиятельному и уважаемому прихожанину,

Младенцу пошел второй год, когда он тяжело захворал. Лежал в сильном жару и тихо угасал. Врач из Старого Оскола помочь не смог. Отчаявшийся Федосий Михайлович сам помчался в губернский Курск и привез оттуда лучшего лекаря. А тот, внимательно осмотрев малыша, изрек: «Поздно. Здесь медицина бессильна...». Послали за священником, и Федосий Михайлович велел дворовому столяру изготовить гроб. Вечером у постели Володи собралась вся семья, Опустившись на колени, попрощались. В комнате оставили только няню.

Александра Андреевна, до утра не сомкнувшая глаз, на рассвете тихо-тихо подошла к двери и замерла пораженная: из комнаты доносился ласковый голос няни. Мать отворила дверь и застыла в радостном изумлении: няня держала малыша на руках и с чайной ложечки поила его молоком...

После этого случая Владимир Раевский никогда не болел.

В домашней библиотеке отставного майора екатерининской службы, владельца села Хворостянка в Старооскольском уезде преобладали книги на военные и исторические темы. Ими и зачитывался в детстве Владимир Раевский, третий из пяти сыновей Федосия Михайловича. Особенное впечатление на Володю произвели рассказы о древней Спарте. С раннего детства спартанских мальчиков приучали к суровой жизни. Пища их была скудной и непривлекательной, спали они на тростниковых подстилках, которые плели себе сами. Из платья у них был только хитон (рубашка без рукавов) – один на целый год. Не было у юных спартанцев и обычных детских игрушек, а игры были в основном военные. И Федосий Михайлович, показав дворовому столяру рисунки оружия и военного снаряжения спартанцев, велел сделать для сына деревянный меч, щит и шлем. В этих «доспехах» Володя водил на штурм крутого мелового холма ватагу хворостянской детворы, тогда и прозвали его Спартанцем, и имя это повторяли не только родные и близкие, но и позже – в столице – товарищи по учебе. И даже сослуживцы в армии. Так называл его в дружеских беседах в Молдавии и Александр Сергеевич Пушкин.

Благородный пансион при Московском университете, куда Федосий Михайлович определил одного за другим старших своих сыновей (всего у Раевских было 11 детей): Александра и Андрея, а затем и Владимира, был одним из лучших учебных заведений, В нем воспитывались В. А. Жуковский, А. С. Грибоедов, М. Ю. Лермонтов. В пансионе изучали не только точные науки (математику, физику, естествознание), иностранные языки, историю и словесность, но и получали начала военных познаний: в верховой езде, фехтовании, владении оружием, изучали артиллерию и фортификацию.

Выпущенный – через восемь лет – из университетского пансиона 16-летний Владимир Раевский был тут же зачислен в столичный Дворянский полк при 2-м кадетском корпусе. Один год отделял Россию от страшного бедствия – нашествия разноплеменных орд Наполеона. И, предчувствуя это, Владимир вместе со своими однокашниками усердно

готовился к грядущим боям, Из Дворянского полка он вышел в чине прапорщика. Произошло это 21 мая 1811 г., а через год – 24 июня – грянула Отечественная война. 23-я артиллерийская бригада, в одной из батарей которой начал службу 17-летний прапорщик Раевский, получила приказ о немедленном выступлении на фронт. Спустя многие годы Раевский расскажет: «О собственных чувствах я скажу только одно: если я слышал вдали гул пушечных выстрелов, тогда я был не свой от нетерпения, так бы и перелетел туда... Полковник это знал, и потому, где нужно было послать отдельно офицера с орудиями, он посылал меня».

Шестисоттысячная, не знающая поражений армия, собранная Наполеоном со всей Европы, теснила русские войска. Враг шел по земле Отчизны, выжигая и опустошая ее. Гневом и болью наполнилось сердце юного офицера. Обжигающие душу чувства и мысли находили выход в стихах:

...Ужель страшиться нам могилы?
И лучше ль смерти плен отцов,
Ярем и стыд отчизны милой
И власть надменных пришлецов?
Нет, нет, судьба нам меч вручила,
Чтобы покой отцов хранить,
Мила за родину могила,
Без родины позорно жить!

Он был не только талантливым поэтом – молодой артиллерист. Он отлично знал свою грозную боевую профессию. Доблесть и отвага Владимира Раевского во всем блеске проявились в знаменитом Бородинском сражении. Вот яркие штрихи битвы, увиденные глазами ее участника, тоже молодого – 26-летнего – офицера и тоже будущего декабриста Федора Глинки: «...До 400 тысяч лучших воинов, на самом тесном, по многочисленности их, пространстве, почти, так сказать, толкаясь головами, дрались с неслыханным отчаянием. 2000 пушек гремели непрерывно... Тяжко вздыхали окрестности – и земля, казалось, шаталась под бременем сражающихся, французы метались с диким остервенением; русские стояли с неподвижностью твердейших стен. Одни стремились дорваться до вожделенного конца всем трудам и дальним походам, загребсти сокровища, им обещанные, и насладиться всеми утехами жизни в древней знаменитой столице; другие помнили, что заслоняют собою сию самую столицу, сердце России и мать городов... Многие батареи до десяти раз переходили из рук в руки. Сражение горело в глубокой долине и в разных местах, с огнем и громом, на высоты выходило. Густой дым заступал место тумана. Сражение не умолкало ни на минуту, и целый день продолжался беглый огонь из пушек. Бомбы, ядра и картечи летали здесь так густо, как обыкновенно летают пули...».

Да, наша армия обладала отличной артиллерией. Превосходство ее над артиллерией французской а Бородинском сражении проявилось с особой силой. Недаром Лермонтов написал свое «Бородино» от лица солдата-артиллериста. Одним из тех, кто командовал героями-пушкарями, кто сам становился к орудию и с одною лишь шпагою в руке бесстрашно отбивал наседавшего врага, был Владимир Раевский. Его мужество и смелость были отмечены почетнейшей из наград – золотой шпагой с надписью «За храбрость».

Позже - за героизм в бою у села Гремячего – он будет удостоен ордена Святой Анны. За участие в сражении под Вязьмой произведен в подпоручики, а спустя всего несколько месяцев – в поручики.

В двадцать пять лет Владимир Раевский станет майором.

Впереди еще долгая – целых полвека – жизнь. Будет все – участие в заграничном походе русских войск, тайный кружок «Железные кольца» и военные школы для неграмотных рядовых солдат в Молдавии, и зародившаяся и окрепшая там же в Кишиневе дружба с великим Пушкиным. И арест «за антиправительственную пропаганду», «одиночка» Тираспольской крепости, глухой каземат столичной Петропавловки, камера крепости

Замо-стье. Жестокие допросы и бессрочная ссылка в Сибирь, где он и найдет вечное успокоение на сельском кладбище далеких глухих Олонков.

Но над всем этим, над блистательной и трагической судьбой воина и свободолюбивого поэта, нашего замечательного земляка Владимира Федосеевича Раевского всегда будет сиять золотая шпага отважного героя Бородинского сражения - битвы, предопределившей победу русского оружия в Отечественной войне 1812 года.

Б. ОСЫКОВ

Осыков Б. Раевский Владимир Федосеевич. Золотая шпага Раевского // Осыков Б. Родного Белогорья имена : лит.-краевед. рассказы и очерки, хроника жизни и творчества замечательных белгородцев / Б. Осыков.– Белгород, 2010. – С. 100-105.